

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

БЕЗ БЕРЕГОВ

В моем родном Театре миниатюр ВГУ отцами-основателями коллектива считали выпускников филфака 1963 года Владимира Сисикина, Вадима Кулиничева и Валентина Семёнова. Но вот пару лет назад, листая в библиотеке подшивку «Молодого коммунара» за 1966 год, я неожиданно наткнулся на статью одного из этой троицы – Валентина Семёнова, который называл в данной связи иные имена. «Судьба свела в стенах Воронежского госуниверситета Лёву Кройчика, Мишу Сафонова, Владимира Смольянова, – писал Семёнов. – Эти три фамилии и знаменуют начало университетского театра миниатюр».

В пору, когда я обнаружил эти строки, еще был жив Лев Ефремович Кройчик – последний из всех указанных лиц, и я обратился к нему за разъяснением ситуации.

Мэтр был удивлен. Театр миниатюр действительно начался с Сисикина-Кулиничева-Семёнова, пояснил он. Что же касается названной Семёновым троицы, то мы выступали вне рамок какого бы то ни было коллектива: Смольянов – отдельно, а Кройчик с Сафоновым в студенческие годы составляли юмористический дуэт, который пользовался большой популярностью в городе, объездил почти всю область в составе агитбригад, выступал с парным концерансом на многих концертах... А вообще, добавил Лев Ефремович, Миша Сафонов – живой, ироничный парень с острым прищуром глаз – был достаточно

интересной личностью с уникальной судьбой, вот бы рассказать о нем...

После такой рекомендации мне не оставалось ничего другого, как заняться поиском сведений об этом человеке...

Итак, Михаил Сафонов.

«Родился я 8 марта 1935 года в Баку, что по-русски значит “город ветров”. И дата рождения, и место наложили отпечаток на всю мою беспутную жизнь», – так начинает он одну из своих автобиографий.

Тема беспутной, бродяжьей жизни никогда его не отпускала. И это очень чувствуется.

Как дышится мне – так я и пою.

И нет на свете песни окаянной.

*Бродягою умру, без покаянья,
и места мне не сыщется в раю.*

Михаил Сафонов

Почему так происходило? Наверное, потому, что с самого рождения иного стиля существования Сафонов просто не знал. Его родители – выпускники Бакинского индустриально-института – были инженерами-строителями и по этой причине колесили по стране вместе с малолетним сыном. Так, в школу Михаил пошел в Кемерово, а окончил ее – уже в Северодонецке Ворошиловградской области, куда отец был переведен главным инженером треста «Лисхимпромстрой».

После школы слету попытался поступить на журфак МГУ, но не прошел по конкурсу и устроился работать электросле-

Лев Кройчик и Михаил Сафонов.
Дуэт был необычайно популярен в университете

сарем на химкомбинат. Монтировал электрическую часть башенных кранов.

В 1954 году приехал в Воронеж, подал документы на историко-филологический факультет местного пединститута и, успешно сдав экзамены, неожиданно (прежде всего для самого себя) выбрал не милую его сердцу литературу, а историю.

А через год, в результате очередной реформы высшего образования, историческое обучение в пединститутах было упразднено, и всех студентов-историков перевели на соответствующий факультет в ВГУ. Так Михаил Сафонов попал на курс, где учился Лев Кройчик.

Их сценический дуэт возник практически сразу, после первого же знакомства. Высокий, худощавый Кройчик и приземистый, кряжистый Сафонов идеально дополняли друг друга. Это было время, герои которого должны были поминутно сыпать шутками. Смех был не просто признаком хорошего настроения, но и показателем жизненного тонуса, отличительной чертой мировоззрения. Лев Кройчик с Михаилом Сафоновым идеально соответствовали такому запросу времени – их неиссякаемый юмор взрывал университетские и факультетские вечера.

И неважно, что при этом Сафонов (в отличие от того же Кройчика) был далеко не самым прилежным студентом. «Энергичный, деятельный человек, но работает в полную меру своих сил, только когда дело непосредственно увлекает его», – говорилось в его университетской характеристике.

На первом курсе он едва не был исключен из вуза после того, как, приняв для храбрости, вместе с

двумя товарищами поздним вечером пришел в женское общежитие. Там Михаил стал читать собственные пародии на преподавателей, довольно остроумно показывая каждого из них. Его задержали, привели в участок. Имена своих товарищей (те успели сбежать) Сафонов не назвал и в итоге получил строгий выговор с последним предупреждением...

Свою дипломную работу – «Американская историография времен Второй мировой войны» – он написал в жанре политического памфлета. Помните артиста Мосэстрады Аркадия Велюрова из фильма «Покровские ворота»? «Вся Америка в страшном смятенье: Эйзенхауэр болен войной...» Нечто подобное сделал со своей дипломной работой и Михаил Сафонов. Его научный руководитель Флора Соломоновна Грин ценой невероятных усилий заставила-таки студента придать тексту хоть какую-то научную видимость, дабы тот получил на защите заветный «тройк»...

Зато в областную газету «Молодой коммунар», работать в которой было пределом мечтаний многих молодых журналистов, Сафопова взяли прямо со студенческой скамьи, да еще и на четвертом курсе.

В редакции он появился еще за три года до этого. В руках держал ученическую тетрадь. Спросили: там что? Там были стихи. Хорошие стихи, сказали, правда, ни одного из них напечатать в комсомольской газете нельзя. Но парень понравился, и в редакции его стали привечать. Михаил участвовал в работе «коммунаровского» литобъединения, начал писать не только стихи, но и корреспонденции, очерки и даже... либретто.

Известный воронежский писатель Эдуард Пашнев, живущий ныне в Сан-Франциско, вспоминает, что с Сафоновым в те годы его подружил композитор Михаил Носырев. «Мы тогда задумали оперетту на космическую тему. Третьим соавтором в написании либретто была жена Носырева – Эмма. По вечерам композитор уходил в оперный театр дирижировать оркестром, мы же оставались в квартире, которая всеми своими окнами выходила на площадь обкома, и втроем сочиняли либретто»... Много позже, уже в наши дни, в один из приездов в Воронеж Пашнев передал текст того сочинения Эмме Носыревой. И на очередной годовщине памяти ее мужа-композитора прозвучала музыка их оперетты...

Словом, к моменту окончания университета Сафонов был уже достаточно известным в городе автором. И его взяли на работу в областную газету.

*Утро
розовым полотенцем
утирает лицо на ходу.
Я иду
мимо спящего детства,
мимо
школы родной иду...
И под пенье разноголосое
дальше я прохожу
на завод.
А навстречу –
совсем как взрослому! –
Солнце
руку мне подаёт.*

Он принес в «Молодой коммунар» свой неподражаемый стиль. Вот строки из сафоновских публикаций:

«Но-о-о, милые! – подгонял гнедую пару конюх Устиныч, маленький круглолицый старичок. Если снять с новогодней елки Деда Мороза, сбрить ему усы и бороду, надеть картуз защитного цвета, а в руки дать кнут – это и будет Устиныч»...

«А гармонь звала. Знакомая мелодия вырывалась из-под послушных пальцев, и звуки, частые и звонкие, манили в задумчивую синь зимнего вечера. Звуки были упрямые и настойчивые, такие же, как гармонист. Маша отчетливо представляла его чубатую голову, низко склонившуюся над гармонью, его ловкие пальцы, перебирающие лады. Эх, чубатый, чубатый! Зря зовешь, зря манишь... Не выйдет она из хаты, не пойдет никуда»...

«Кто принес в цех эту частицу белоснежной весны, что неудержимым потоком хлынула на улицы города? Кто положил на ее станок эту пушистую ветку черемухи, чистые лепестки которой еще хранят свежесть раннего утра? Может быть, сама весна?.. Зоя улыбнулась. Конечно, не весна»...

«Еще немного – и конец поля. Тогда можно будет повернуть назад, на какое-то время избавиться от этого неумолимого слепящего света. “Привыкай...” Кто это говорил? На мгновение Дмитрий закрывает глаза и перед ним отчетливо встает знакомое, всегда чуть усталое лицо»...

Это, конечно, не журналистика уже, а художественная проза. Или даже поэзия. Праздничный первوماйский репортаж 1959 года – на всю первую по-

Студенческий билет
Михаила Сафонова

Михаил Сафонов
(в первом ряду с котом в руках)
в студенческом колхозе.
1954 год

лосу – Сафонов написал в стихах: «В этом великом и славном начале / Лучшие добились высокой чести. / Идут работницы “Электросигнала”, / И тельмановцы с ними вместе» и т. д.

Так в Воронеже до него не писал никто.

Позже такой стиль в «Коммунаре» будет внедрять Евгений Дубровин. Но он станет редактором воронежской молодежи только в 1967 году. Сафонова же выперли из газеты в 1960-м. Формально – за литературность, а фактически за то, что существовать по заданному редактором сценарию он так и не захотел, продолжая жить по законам импровизации.

По этим законам он хлопнул дверью поезда и уехал из Воронежа.

Навсегда.

С собой увез обиду: до конца жизни Михаил Александрович Сафонов будет считать наш город «истоком своей хандры»...

Дальше всё было, как в ускоренной киноленте.

Мелькнула Томь-Усинская ГРЭС, куда он сразу после Воронежа завербовался разнорабочим и где дошел до бригадира. Следующий кадр – газета «Комсомолец Кузбасса», туда Сафонова позвали, чтобы он организовал специальную выездную редакцию для выпуска блиц-листовок на всех стройках Кузбасса.

Здесь его путь едва не пересекся с тропинкой его студенческого друга и партнера по дуэту Льва Кройчика. Тот приехал в Сибирь по поручению ЦК комсомола – отбирать творческие коллективы на Первый Всесоюзный фестиваль студенческих театров. Попал в Кемерово, пытался разыскать Сафонова. Ему сказали: «Мишка в Прокопьевске. Вернется через четыре дня». Времени ждать не было. Друзья не встретились.

Уже никогда...

А кинолента жизни Михаила Сафонова продолжала выдавать самые невероятные сюжеты.

Москва. Случайное знакомство в ресторане с моряками, после которого он становится матросом-рулевым в экспедиции специальных морских проводок. Начальником той экспедиции был легендарный Федор Васильевич Наянов, капитан первого ранга, лауреат Сталинской премии, награжденный многими орденами за боевые действия во время Отечественной войны. Это был человек, состоящий из противоречий: в нем сочетались доброта к людям и несправедливость; решительность и суеверие; умение учинить разнос и поговорить по душам...

«Мы получали свеженькие суда: сухогрузы, танкеры, кораблики для геологов и нефтяников на разных верфях и перегоняли их в порты приписки», – вспоминал Сафонов.

*У машины-шины-шины
есть четыре колеса.*

*А у яхты-ухты-ахты
только руль да паруса.*

Говорит машина-шина:

*– По дороге я лечу,
по дороге я лечу,
всех на свете прокачу!*

Отвечает яхта-ахта:

*– Я плыву, куда хочу,
я плыву, куда хочу,
куда хочу, поворочу!*

*А тебе, машина-шина,
может не хватить бензина.*

Михаил Сафонов (третий слева)
в группе молодых талантов.
1957 год

А лента крутится-крутится, и кадры мелькают-мелькают...

Городок Невинномысск на Ставрополье. Корреспондент местной газеты...

Потом – неожиданный бросок на север, более чем на две тысячи километров. Совсем маленький городок Бокситогорск. Снова газета.

Потом – Ленинград. Воспитатель молодежи в общежитии стройтреста № 19.

Оттуда – в Эстонию. Грузчик в таллинском продуктовом магазине. Начал писать для республиканской молодежи, куда его в конце концов взяли на работу. Пока работал в «Молодежи Эстонии», выпустил три книжки стихов.

И наконец год 1981-й. Михаил Сафонов покидает СССР. В то время такой шаг не мог остаться без последствий. На его имя был наложен запрет, книги изымались из библиотек...

Так он оказался наедине с самим собой. И почти сразу перестал быть веселым, ироничным парнем: в одиночку можно разве что плакать, а смеяться – вряд ли...

Поселился в Швеции. Преподавал в Институте славистики Стокгольмского университета. Писал стихи, в которых уже не чувствовался всепобеждающий оптимизм.

*Когда бросаем
и край свой, и кров, и отечество,
верней говоря, хороним.
Что обретаем?
Свободу. И одиночество –
Злосчастный ее синоним...*

Эти строки из его последней книги «Между белым и черным днем». Она вышла в Москве уже после распада СССР – в 2006 году. Несколько ее экземпляров автор передал с okazji в Воронеж, друзьям молодости. Один из них, всё тот же Лев Кройчик, помнится, откликнулся на выход той книги теплой рецензией в «Воронежском курьере»...

В год столетия Воронежского университета я попытался разыскать Михаила Александровича Сафонова по его шведскому адресу. Моя знакомая – шведская переводчица современной русской прозы Кайса Линдсен – взялась помочь в этом деле. Но... Обнаружить тогда удалось лишь некролог, напечатанный в стокгольмской газете Dagens Nyheter.

В нем сообщалось, что русский поэт и переводчик Михаил Сафонов, рожденный 8 марта 1935 года, обрел земной покой 2 июня 2016 года. Тело было кремировано, и три недели спустя прах захоронили в колумбарии кладбища стокгольмской окраины Накы. Об этом читателям газеты сообщали родственники покойного – вдова Ольга и дети Александр и Яна.

*Власть погулял я на веку, шальная голова.
И в преисподней сатана меня давненько ждёт.
И синим пламенем гореть мне в круге номер два.
Я думал ниже, но туда грехов недостаёт.*

Мне за этими строками видится мучительный поиск нравственного самооправдания жизни человека-бродяги. И еще – легкое ощущение покоя от осознания необходимости этого поиска...